

Вашкевич С.И., студ. гр. 106 ФКиСКД
БГУ культуры и искусств
Научный руководитель – Грачева О.О.,
канд. искусствоведения

ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕМЫ ИНИЦИАЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МИРОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Ритуал инициации занимает стержневое положение в жизни архаичных обществ. Эти ритуальные схемы широко распространены и в мифологических представлениях. Инициация в переводе с латинского языка означает «совершать, посвящать в культовые таинства» – переход индивида из одного статуса в другой, в частности, включение в некоторый замкнутый круг лиц (в число полноправных членов племени, в мужской союз, круг жрецов), и обряд, оформляющий этот переход. Иногда – в узком смысле – переход в число взрослых, брачноспособных. Инициацию взросления проходили все подростки мужского, реже женского пола в возрасте примерно 11-13 лет.

Ритуалы и идейный контекст посвящения тесно связаны с ведущей идеологией, мифологией племени. Во время обряда посвящаемому сообщаются мифы племени, которые может знать только взрослый или специально посвящённый. Кроме того, он уподобляется культурному идеалу племени, представленному в виде обожествляемого первопредка, героя или божества, легендарный и трудный путь которого повторяется в инициации. Обряд инициации у архаических народов, как правило, включал увод посвящаемых близкими родственниками в лес, мучительные пытки в шалаше, вход в который изображал пасть хозяина мира смерти, различные ритуалы, символизирующие поглощение и изрыгание посвящаемого зооморфным прародителем, многочисленные испытания, возвращение в племя и женитьбу.

В.Я.Пропп показал, что "цикл инициации" – древнейшая основа большинства волшебных сказок и мифов у всех народов. Он выделил

сказочные мотивы, соотносимые с обрядами посвящения "разрубание и оживление", "проглатывание и извергание", "получение волшебного средства или волшебного помощника" и многие другие. По Проппу, с циклом инициации тесно связан цикл смерти; «весь обряд инициации испытывался как побывка в стране смерти, и наоборот, умерший переживал все то, что переживал посвящаемый». Сейчас общепризнанно, что инициационные ритуалы имеют главной темой смерть и воскрешение, воспринимаются как смерть и новое рождение самими участниками; более того, так воспринимаются любые переходы человека из одного статуса в другой. [1] Испытания могут принять в мифе форму преследования, попыток изведения со стороны бога (отца, царя) или демонических существ (злых духов), герой может превратиться в мистериальную жертву, проходящую через временную смерть (уход/возвращение – смерть/воскресение). Героическая биография порой также включает историю женитьбы героя (с соответствующими соревнованиями и испытаниями со стороны чудесной невесты или ее отца, эти мотивы получают особенно богатое развитие в сказке), а иногда и рассказ о его смерти, трактуемый во многих случаях в качестве временного ухода в иной мир с сохранением перспективы возвращения/воскресения. Большинство задач в сказках направлено к посылке героя в тридесятое царство. Герой должен доказать, что он побывал там, что он способен отправиться туда и вернуться, или погибнуть. От него, например, требуется достать предметы, диковинки, которые можно достать только там. Этим предметам всегда присуща золотая окраска.

Современные исследователи выделяют такие главные структурные элементы обряда: завязка (снаряжение героя в путь); временная смерть (растерзание или разрубание); нисхождение в преисподнюю; тридесятое или подземное царство; трудные задачи; воцарение героя.

Каждая эпоха в истории искусства характеризуется определённым осознанием соотношения искусства и мифологии. Интерес к региональной мифологии в XIX в. проявился в резко усилившемся использовании образов

и сюжетов европейской языческой и средневековой мифологии. Создаются многочисленные стилизации и вариации на темы, задаваемые мифом, обрядом или архаическим искусством. Огромна роль мифологической темы в творчестве Д.Г.Россетти, Э.Берн-Джонса и других художников-прерафаэлитов. Одной из форм Временной смерти было вскрытие человека или его разрубание на куски. Разрубание, растерзание человеческого тела играет огромную роль в очень многих религиях и мифах как источник силы или условие обожествления. Наиболее известный пример – гибель Орфея. Этот драматический сюжет нашел отражение в картине Эмиля Леви «Смерть Орфея от менад» (1866г).

Основоположник «неомифологизма» Р.Вагнер считал, что народ именно через миф становится создателем искусства, что миф — поэзия глубоких жизненных воззрений, имеющих всеобщий характер. Обратившись к традициям германской мифологии, Р.Вагнер создал оперную тетralогию «Кольцо Нибелунгов» («Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид», «Гибель богов», 1854 – 1876 гг.). Он почти целиком опирался на более архаичную, скандинавскую версию мифа. Стержнем всей тетralогии он делает мотив «проклятого золота». Virtuозная интуиция Вагнера сказалась, например, в реконструировании образа воды как символа хаотического состояния универсума (начало и конец «Кольца Нибелунгов»).

Известный белорусский книжный иллюстратор П.Татарников в 2004г выполнил серию иллюстраций к книге «Золото Рейна» по либретто одноименной оперы Р.Вагнера. Каждый художник создает свой особенный мир – мир своих образов, мыслей, чувств. П.Татарников создает еще и свое пространство. Он часто сочетает на своих книжных разворотах эффектный крупномасштабный первый план и второй, «панорамный», показанный с высоты птичьего полета. Это и рождает особое пространство – бесконечное и одновременно замкнутое. Художник не разрушает плоскостность книжной страницы, но находит возможность показать мир многогранным, населенным, интересным. Среди особенностей творческого почерка

П.Татарникова – любовь к детали, желание и умение работать с ней. Народный костюм, древнее оружие, лошадиная сбруя, детали архитектурных зданий, инструменты для работы, прически средневековых красавиц – все это избавлено этнографической детализации, но выполнено с большим уважением к исторической предметности.

В отличие от прерафаэлитов и романтиков русских и белорусских книжных иллюстраторов больше привлекают темы завязки, трудных задач и воцарения сказочных героев, проходящих инициации. Русский книжный иллюстратор Иван Билибин создал огромное количество иллюстраций к русским народным сказкам. Одна из самых красочных – иллюстрация к сказке «Поди туда – не знаю куда...» отражает тему завязки: герой отправляется в дальнюю дорогу. С поразительным мастерством и большим знанием художник изобразил старинные костюмы и утварь. В иллюстрациях к сказке «Иван Царевич и серый волк» мы видим сцену поимки жар-птицы (испытание владения охотничьими навыками). Привлекают И.Билибина и образы испытателей: Бабы Яги, Кощея, трех волшебных всадников. Направление, указанное И.Билибиным, стало основой детской книжной иллюстрации советского периода (В.Конашевич, В.Волович, А.Дехтярев).

Как видим, авторы произведений романтического направления выбирают главным образом «страшные», кровавые и масштабные сцены испытаний, в которых помимо главных героев участвуют природные стихии и массы дополнительных действующих лиц. Иллюстраторы детской книги, работавшие в XX веке, останавливают внимание на менее пугающих элементах: снаряжение героя в путь, решение трудных задач, воцарение героя. Особняком стоят иллюстрации к книгам, адресованным юношеству: в них внятно ощущается влияние романтических тенденций.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Сов. энцикл., 1991.– 736 с.

2. Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. энцикл., 1991. – Т.1. – 671 с. : ил.; Т. 2. – 719 с. : ил.
3. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки / ЛГУ. – Л., 1986. — 364с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ